

Абаев Н.В., ТувГУ (г. Кызыл)

ТЭНГРИАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ТЮРКО- МОНГОЛОВ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧИНГИС-ХАНА

*«Да, гунны мы, да, скифы мы,
да, тэнгрианцы мы, да, мы монголы
и татары в одном лице ...»
(Колохан-Багши)*

*«Живите в мире, любви согласии,
берегите друг друга и мир,
в котором живете», -
так повелел Тэнгри... (Э.Б. Мижит)*

Всемирно–историческое значение личности Чингис-Хана как гениального стратега и выдающегося политического деятеля, создателя и организатора непревзойденной по своим размерам и мощи Евразийской империи, не должно застилать от нас его не менее важную вселенскую миссию Верховного Жреца мировой тэнгрианской религии, подлинного «сына Неба», обладавшего огромной харизмой, интуитивной мудростью и духовной властью.

Являясь эффективным средством социальной самоорганизации и саморегуляции, своего рода космической «сакральной вертикалью», выполняющей универсальные синергетические функции в кочевнических обществах тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Алтае-Байкальского региона, тэнгрианство, как и родственная ему религия так называемых «ариев», первых индоевропейских номадов (древних иранцев, индоариев, сарматов, массагетов, скифов и др.), с самого начального периода возникновения и развития «кочевых» цивилизаций Евразии выполняло также функции национально-государственной религии, имеющей

собственное религиозно-философское учение, которое занималось метафизическим осмыслением предельных оснований бытия.

Именно тэнгрианство, в основе которого лежала идея организующей силы «Вечного Синего Неба», негэнтропийной по своей сути, обусловило стремление к всеобщему космическому порядку, которое выразилось в сфере социальной самоорганизации в идее мировой империи, управляемой «сыном Неба», главным или даже «единственным» (тув.-тюркск. **чангыс**) земным воплощением универсального принципа «Единого», в сфере религиозно-философской выразившейся в концепции Небесного Круга («хор», «хоорай», «хорлоо»), зафиксированной в имени общего Верховного Бога древних скифо-ариев, иранцев, согдийцев и «туранцев» (т.е. тюрко-монголов) – Хормуст-Тэнгри. Рассматривая синергетическую роль и функции духовно-культурных факторов (в частности, тэнгрианства) в процессе саморегуляции сложноорганизованных систем, каковой являлась «кочевая» цивилизация, следует, прежде всего, иметь ввиду, что высокий уровень самоорганизации в «кочевых» обществах сохраняется и в период перехода к имперским формам государственности, в которых стремление к жёсткой централизации в руках верховного правителя (кагана, хана, царя) диалектически сочеталось и совмещалось с тенденциями к саморегуляции на более «низких» уровнях властеотношений, где сохранялись общинные формы самоуправления.

Современная этнополитическая ситуация в мире, характеризующаяся нарастанием нестабильности, хаоса, социальных потрясений, существенно актуализировала проблематику социорегулятивной роли идеологии. В этой связи представляет интерес обращение к древнейшим традиционным формам религиозной идеологии, которые, несомненно, обладали способностью обеспечивать относительную стабильность общества, поддерживать его параметры порядка, в основном, не прибегая к насилию, жестокости, предельным государственным санкциям. Идеологические задачи, причем речь идет об их достаточно широком спектре, в Центральной Азии, в тюрко-монгольском мире, решало и тэнгрианство.

Появление в Центральной Азии имперских государственных образований с соответствующими институтами высшей власти и формирование «тэнгризма», тяготеющего к монотеизму, мы рассматривали как кооперативный, синергетического типа процесс, вызванный к жизни не столько ролью внешних факторов, сколько обусловленный существенными изменениями в культурно-историческом бытии традиционных обществ.

Важнейшим критерием цивилизации вообще, в том числе и «кочевнической», является наличие качественно определенной духовности, выходящей за пределы своей первобытности (а затем и этничности), приобретая в процессе развития институционально оформленный интерэтнический, надплеменной или наднациональный характер, присущий таким мировым религиям, как тэнгрианство, которое еще в глубокой древности, по крайней мере, в эпоху хунну (III в. до н.э.) или даже ранее, в период возникновения древне-арийской «кочевой» цивилизации в начале III тысячелетия до н.э. получило распространение по всей центральной части Евразии.

Тюрко-монгольские народы Центральной Азии и Саяно-Алтая в своем историческом развитии прошли, как и многие другие народы мира, все известные этапы. В процессе перехода к цивилизации они сформировали и государственные образования в различных исторических формах, многоукладность натуральных хозяйственных систем, создали руническую и другие формы письменности, а также претерпели трансформацию системы традиционного религиозно-мифологического мировоззрения, которая привела к переходу от архаичных, ранних форм религии (анимизм, тотемизм, магия, «шаманство» и др.) от первобытности к формам, характерным «кочевой» цивилизации.

К ним относится, прежде всего, утверждение в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов в качестве системообразующего элемента тяготеющей к монотеизму религии, получившей в научной литературе наименование тэнгрианство (от тюрко-монг. *Тэнгри* 'Небо').

Наиболее глубокие корни тэнгрианства мы обнаруживаем в космогонических мифах тюрко-монгольских народов. В процессе исторического развития у предков тюрко-монголов, в том числе у гуннов-хунну, сяньбийцев, скифо-ариев и др., складывается дуальная религиозно-мировоззренческая система (Небо-Отец — Мать-Земля) как специфическая форма социальной самоорганизации (упорядочение «объективного» в сознании, на уровне субъективного духа). Из первоначального космического хаоса рождается определенный порядок, складывается картина религиозно-мировоззренческой упорядоченности и связанная с ней упорядоченность социального и природного бытия.

В скифо-сарматский период в Центральной Азии и Саяно-Алтае, когда возникают самые ранние государственные образования «кочевников», различные формы тэнгрианства, в том числе и так называемая религия ариев (самая известная из них — древнеиранский зороастризм), приобретают характер национально-государственных религий. Тюрко-монгольское тэнгрианство имеет тесные историко-генетические связи не только с «религией ариев» (древних иранцев, скифо-ариев Саяно-Алтая, саков и согдийцев Средней Азии и Восточного Туркестана, индо-ариев и др.), но и с религиозными верованиями древних шумеров, тибетским бон, китайским культом Неба (тянь), японским синтоизмом, «авраамическими религиями» Передней Азии и т.д.

До формирования в Центральной Азии сложных этнополитических структур (государственных кочевнических образований) какой-то необходимости в существовании и функционировании политических доктрин, связанных с религией не было. В наиболее древних пластах религиозных верований в тюрко-монгольских обществах они не обнаруживаются. Ситуация кардинально меняется в связи с возникновением кочевнических цивилизационных структур в Центральной Азии в период становления и формирования государственности хунну.

Судя по имеющимся источникам, предки тюрков и монголов – гунны-хунну имели весь набор цивилизационных признаков (признаков критериального характера). К ним относились: формы государственности; тяготеющая к высокоразвитому монотеизму религия – тэнгрианство; дипломатическая традиция с идеологическими компонентами в своем содержании; рунические письменные системы; монументальная архитектура и скульптура; частная собственность на скот как главное богатство в обществе кочевников-скотоводов; система властеотношений в форме традиционного господства (отношения господства и подчинения – один из характерных признаков цивилизации); постепенно самоусложняющаяся стратификация общества; многоукладное натуральное хозяйство, включавшее в себя и использование монет во внешнеторговых отношениях; города земледельческих стран, интегрированных в результате завоеваний в кочевнические общества и др.

Одним из фундаментальных условий становления и развития древних цивилизаций, являлось, как известно, формирование монотеистических религий, или же тяготеющих к монотеизму религиозно-мифологических систем. В общетеоретическом плане их роль представляется как существенно значимая в организации и самоорганизации общества, которые приобретало новые гораздо более сложные количественные и качественные характеристики. Это общество императивно требовало создания и функционирования не только материальных, но и достаточно эффективных духовных механизмов социальной интеграции, стабилизации, обеспечения условий социально-экономического и культурного развития.

Примерно такие же процессы закономерно развивались и в Центральной Азии, когда интенсивно формировались «кочевые» цивилизации тюрков и монголоязычных народов, в том числе цивилизация древних гуннов-хунну. При этом исключительно важную роль в становлении цивилизационных форм социального бытия сыграло тэнгрианство, которое не только выполняло функцию поддержки, сохранения в устойчивом

состоянии этнокультурных традиций тюрко-монгольских народов, но и выполняло важные идеологические функции поддержки официального статуса правителей имперских государственных образований, их социально-интегрирующей и геополитической роли.

Государственность в кочевых обществах народов Центральной Азии как мы уже отмечали, являлась не какой-то искусственно созданной организацией, но возникла естественно-необходимым образом как выражение потребности общества уменьшить энтропию в процессе своего саморазвития, самодвижения (т.е. эволюции) и создать необходимые условия реализации жизненно важных целей человеческой деятельности и т.д. [1].

В имперских государственных образованиях кочевников Центральной Азии, сложных в этническом и культурном отношении, реализовывалась идеологическая потребность в легитимизации высшей власти. Эта функция идеологии осуществлялась в рамках «тэнгрианства» посредством ссылок на волю «Неба», на его отношение к правителю как к «Сыну Неба» в связи с тем, как он решает земные управленческие задачи.

Идеологические функции, связанные с тэнгрианством этим не исчерпывались. Тэнгрианство обеспечивало поддержку высшей государственной власти, воздействуя на сознание, на экзистенциальные и аксиологические компоненты его содержания, формировало убеждения в ценности и жизненно важной значимости власти каганов. Тэнгрианство формировало кооперативные убеждения и соответствующие действия людей политической направленности, что позволяет говорить о нем как о механизме социальной организации и самоорганизации [2]. Идеологические аспекты тэнгрианства, как мощного социального аттрактора (с аттракторами связаны формы кооперативной активности и параметры порядка в обществе), делали кочевнические общества устойчивыми по отношению к малым возмущениям, что характерно для диссипативных структур.

И.В. Черникова разъясняет смысл термина «диссипативные структуры», как связанные с особенностями открытых систем в природе и в

обществе. В открытых системах, обменивающихся с окружающей средой потоками вещества или энергии, однородное состояние равновесия может терять устойчивость и необратимо переходить в неоднородное стационарное состояние, устойчивое относительно малых возмущений. Такие стационарные состояния получили в науке название «диссипативных структур» [3].

Власть правителей в номадических империях держалась не только на насилии и страхе, но также на вере людей в сакральный источник ее происхождения. Это позволяло успешно решать достаточно сложные в техническом и энергетическом отношениях задачи создания монументальных сооружений погребального характера. Формируемые на определенное время «человеческие мегамшины» [4] функционировали, в основном, подчиняясь власти традиции, а не с помощью массовых репрессий, предельных наказаний за неповиновение, как это широко практиковалось древнекитайскими «законниками-легистами».

При всех исторических вариациях тэнгрианства, его многоликости, оно включало в себя ряд инвариантов, в том числе и в области идеологии, которые, с одной стороны, придавали ему фрактальность и утверждали его статус в качестве фрактала, с другой – обеспечивали общие (независимо от этнокультурной гетерогенности общества) параметры порядка, гомеостазис социальных систем – конфедераций и империй кочевников Центральной Азии. Эти государственные образования развивались, в основном, в области форм общественного сознания, религии и духовной культуры.

Особенностью тэнгрианства как религии и идеологии является его синергетичность, т.е. важное значение, придаваемое процессам социальной организации и самоорганизации, что очень ярко проявилось в период становления государственности в Империи Хунну и оказало огромное влияние на государственность, политическую культуру и формы самоорганизации в последующие периоды, в том числе в эпоху строительства Великой Монгольской Империи. На Первой научной

конференции «Культурное наследие Хунну», состоявшейся 10-го июля 2011 года в связи с празднованием 2220-летнего Юбилея Монгольской государственности – Империи Хунну, Президент Монголии Ц. Элбэгдорж заявил, что «хунну – это монголы, а монголы – это хунну» [5].

В своей речи Президент Ц.Элбэгдорж подчеркнул, что монголы, несомненно, оставили большой след в мировой истории человечества и являются одними из тех редких народов, которые сохранили культурное наследие своей цивилизации. По его словам, никто не сумел оставить, да еще и «экспортировать» за границу такую «великую историю, как монголы». При этом Президент сказал: «Прошло много времени с тех пор, как человек впервые поднялся на обе ноги в глуши жаркой Африканской саванны и пошел по всему миру, и одной из территорий, где он сумел выжить, стали Монгольские степи. Ученые уже установили, когда именно люди начали распространяться по всему миру. Я уверен, что Монгольские степи действительно являются одной из первых колыбелей человечества, где человек смог прижиться, выжить, создать свою социальную структуру».

По поводу того, что Внутренняя Азия действительно является колыбелью Евразийской цивилизации и что исключительно важную роль в этом сыграло зарождение пастушества, особенно – коневодства, которое явилось главным орудием кочевничества, тоже говорил известный буддийский учитель-наставник из Японии преподобный Дз. Тэрасава в Астане на Форуме Духовной культуры в октябре 2010 г., отмечая при этом «революционную роль лошади»: «В самом начале человек мог передвигаться только пешком. Со временем он начал приручать различных животных, среди которых революционную роль сыграла лошадь. Не корова, а конь стал самым важным другом человека. Конечно, важна была и овца, обеспечивавшая человека необходимыми для выживания пищей и одеждой, корова давала молоко, собака охраняла, кошка ловила грызунов и ласкалась. Но в этих краях именно лошадь стала ближайшим другом человека. И как только это произошло, помощь коня

стала иметь решающее значение в развитии человеческого общества. Сейчас мы путешествуем на автомобилях, поездах, самолётах. Но в древности именно лошадь стала средством свободной экспансии - физического перемещения во времени и пространстве. Конь открыл новые горизонты деятельности. И именно здесь человек впервые приручил лошадь и стал ездить на ней, стремительно расширяя обитаемую территорию и распространяя свой образ мысли».

По поводу «колыбели» Дз. Тэрасава отметил, что имеет в виду Центральную Азию, где, по его мнению, находится «центр Духовной Культуры всей Евразийской цивилизации», уточнив при этом, что Тянь-Шань является «древней колыбелью первой духовной цивилизации, созданной кочевниками», т.е. тэнгрианской цивилизации, которую он назвал «Небесной цивилизацией кочевников». «Тогда же, во время длительных путешествий, человек стал осознавать важность ... высшего уровня бытия, именуемого небесами», - сказал Тэрасава-сан и далее отметил: «Человек-кочевник вступил в глубинное взаимодействие с небесами, изо всех сил стремился познать их, начал уделять всё своё внимание космосу. Это положило начало духовности - духовной культуре человека. В этих краях как раз находится колыбель, в которой начала расти эта духовная культура. Она развивалась благодаря взаимодействию человеческого духа с космосом из стремления разгадать таинство небес и использовать их силу в человеческой жизни. Здесь сила и мудрость небес были восприняты человеческим обществом и определили смысл цивилизации... И как раз здесь место зарождения этого процесса начавшегося десятки тысяч лет назад в доисторические времена. Задолго до появления первой письменности и какой-либо религиозной системы люди начали постигать таинства небес и обретать небесные силы... В те времена люди здесь не жили на одном месте. Они всё время кочевали и широко делились своей духовностью. Они распространили её через Тянь-Шань,

Памир, Гиндукуш и донесли до Индии, с которой у этих краёв, благодаря силе лошадей, была установлена глубинная взаимосвязь».

Дз. Тэрасава понимает термин «Центральная Азия» очень широко, включая в него и Среднюю Азию, и то, что мы подразумеваем под «Внутренней Азией», в самом центре которой находится Монголия. Но для нас здесь важно то, что смысл слов японского буддиста совпадает с речью Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа в двух главных моментах: именно в центральной части Евразии зародилась «кочевая» цивилизация, и эта цивилизация была тэнгрианской, поскольку тэнгрианство с самого начала, было национально-государственной религией первых Степных империй.

Говоря о преемственности цивилизационных культур первых кочевников в центральной части Евразии, на конференции 10-го июля 2011 года Президент Монголии тоже сказал: «Монголы – не просто наследники культурных традиций Империи Хунну, в том числе их политических традиций и государственности», но и «поскольку монголы – это и есть хунну», то, значит, древние монголы еще 2220 лет назад создали на этой земле первое демократическое государство (имеется в виду так называемое «степная демократия»), а потому будут «учить демократии другие страны»; к тому же Хунну создали политическую традицию управления государством Сыном Неба (т.е. шаньюем, верховным правителем гуннов-хунну), и эту традицию перенял Чингис-Хан, который тоже был демократически избранным монголами правителем, каковым является и он сам [6].

Поэтому, по мнению Президента Монголии, именно вокруг него должен сплотиться монгольский народ и другие демократические страны, которых он будет «учить демократии», вот что следовало из речи Президента Элбэгдоржа на конференции по Хунну 10 июля, и эту мысль он повторил на открытии X Конгресса монголоведов: «Сегодня, когда в Монголии возрождается демократия, исследования и знание истории с древних времен очень важны, потому что история нынешнего монгольского

демократического государства уходит вглубь веков, т.е. демократическая Монголия – это не недавнее политическое образование, как многие, наверное, считают. Демократическая Монголия существует не 20 лет, а может быть, и 2000 лет» [7].

Ссылаясь на слова одного из основателей современной монгольской литературы Д. Нацагдоржа о том, что «эта земля принадлежала нашим предкам со времени хунну», Элбэгдорж отметил, что «территория сегодняшней Монголии принадлежит предкам монголов – хунну. Поэтому на этот счет не могут возникнуть какие-либо споры и сомнения». Глава государства также заметил, что ведение хозяйства хунну практически мало чем отличается от сегодняшней жизни монголов. «Не отличается и празднуемый ежегодно монголами национальный праздник Наадам. По мнению ученых, ставка императора *Модуна* Шаньюя [по транскрипции Тургуна Алмаса, это имя по-тюркски звучало *Батор*-тэнгрикут; по Байжумину Ж. – Майдан; тув. Маадыр] располагалась в горах Хангай, в бассейне реки Орхон, из чего следует, что хунну – это предки монголов, кочевавшие в самом сердце монгольских земель. Другими словами, Чингис-Хан не основывал свое великое монгольское государство на пустом месте, ибо в те времена были многовековые традиции государственного становления и правления. А если сегодня раскопать захоронения наших предков, в том числе, древние захоронения хунну, то можно обнаружить удивительные, бесценные находки, которые могли бы принадлежат культурному наследию Древнего Рима, Греции, Египта и Ирана. Удивительно, какое культурное наследие оставили наши предки на земле. Монголы должны ценить это, ибо это принадлежит нам, монгольскому народу», - заявил Президент [8].

В связи с этим монгольский академик Б. Энхтувшин отметил, что традиции государственности монголов, возникшие и сформировавшие во время гуннов-хунну, были унаследованы и развиты последующими монгольскими государствами, - сяньби, жужаней, тюрков, уйгуров и

монголо-татар, и достигли своего апогея во время Великого Монгольского государства, созданного Чингис-Ханом. Следовательно, можно выделить два важных и ярких этапов в древней средневековой истории, культуре и развитии государственности кочевников Центральной Азии и Монголии. Это, во-первых, Великое Монгольское государство или период могущества монголов в XIII- XIV веках, во-вторых, государство хунну (хуннов) от III века до н.э.-до II века н.э. [9]. Государственность хуннов имеет древнюю историю и традиции, но согласно традициям, установившимся в исторической науке, считается, что история государственности хуннов, а впоследствии и монголов, берет начало с 209 года до н.э., когда на престол государства хуннов взошел старший сын Тумэн-хана - Модун, который и осуществил коренные реформы и изменения в развитии государственности кочевников-хуннов, превратив государство хуннов в могущественную империю, прославившуюся во всем древнем мире.

Как отмечают в своих летописях историки и летописцы древнего Китая, государственность гуннов-хуннов являлась более простой по сравнению с другими странами и народами оседлой цивилизации. Другими словами, государственные институты гуннов-хуннов не были громоздкими, и не усложняли жизнь простого народа. Но, тем не менее, государство хунну, имеющее компактную структуру, которое соответствовало кочевому образу жизни, очень хорошо справлялось со своими управленческими функциями, благодаря жесткой дисциплине, порядку и принципам управления. Поэтому некоторые важные признаки и черты, возникшие во время Империи Хунну, были унаследованы возникшими впоследствии государствами кочевников. Модун-хан (174 год до н. э.) управлял своей могущественной империей, разделив её на улусы трёх флангов и 24 крупные административные единицы. Аналогичная структура действовала и в Великом Монгольском государстве. Чингис-Хан управлял своей империей, разделив на 95 тысяч тумэнов (один тумэн - десять тысяч), которые, в свою очередь, объединялись в 3 крупные тумэны – Алтайский, Харун жидунский и Центральный. В

Великом Монгольском государстве, как и в Империи Хунну, действовала административно-управленческая система, названная десятичной.

В результате государственных реформ, осуществлённых Модун-ханом, гунны-хунну получили возможность объединить множество кочевых, скотоводческих, охотничьих племён и аймаков Центральной Азии, раньше, чем другие соседние могущественные племена. Объединившись под единое политическое управление, хунну смогли присоединить под «крышу» единого государства множество крупных и мелких разобщённых племён и стран, живущих в войлочных юртах, например, Дунху, Юэчжи, Динлин, Усунь, Хиргис и т. Д. Владения хуннов простирались на обширной территории, охватывающей Центральную Азию, Монголию, Среднюю Азию, Южную Сибирь и Восточную Азию. В результате этого, культуры многих степных кочевых племён и народов развивались, взаимно дополняя, и обогащая друг друга. Таким образом, были созданы условия для формирования крупной хозяйственной и культурной общности кочевников Центральной Азии, названной впоследствии историками «Общностью хуннов».

Создав Великое Монгольское государство, Чингис-Хан, как и хунну в своё время, создал условия для формирования единого государства, единой нации с единой культурой, осуществляя государственную политику, которая в корне изменила общественно-политическую структуру множества кочевых племён и народов, проживающих в войлочных юртах.

Монгольские и некоторые зарубежные исследователи считают, что государство гуннов-хуннов является первым государством, созданным монголами, поскольку основные племена и аймаки, создавшие Империю Хунну, сформировали также основной состав населения жужаньского ханства, образованного племенем мугулуй, а впоследствии вошли в состав коренных монгольских племён. Другими словами, монгольские учёные и исследователи установили, что Империей Хуннов управляли племена и аймаки монгольского происхождения, хотя в её состав входили племена и аймаки различных этносов и народностей. Есть учёные, которые отрицают

такую связь в традициях государственности хуннов и в последующих политических традициях коренных монголов. Они утверждают, что якобы государство, созданное хуннами, было хрупким объединением глав могущественных родов и племён, а также, что хунны не являются предками монголов, т.к. среди них преобладали тюркоязычные народы или народы, разговаривающие на языке енисейской группы.

В связи с этим, не вдаваясь подробно в дискуссию о языковой принадлежности тех или иных этнических групп протомонголов, вошедших в состав «кочевой» конфедерации родов и племен, создавших Империю Хунну, следует отметить, что эта огромная Степная Империя, как и все последующие, изначально действительно была полиэтнической, но при безусловном доминировании одного достаточно гомогенного этнического ядра, составлявшего костяк военной, административной и этносоциальной организации, в основу которой был заложен «десятиричный» принцип, сохранившийся и у монголов Чингис-Хана.

При этом распад Империи Хунну под военным натиском китайцев, а затем и сяньбийцев (тоже протомонголов), занявших территорию расселения хуннских племен во всей Внутренней Азии, вовсе не означал полную дезинтеграцию всей системы этносоциальных отношений, в которой вершину властной пирамиды занимала, как и у скифо-ариев, так называемая «триальная» арийская социальная организация, состоящая из трех правящих каст – военная аристократия, жречество и «царские» роды (каганские, ханские), выдвигаемые теми же военными родами.

Четвертой главной силой, основным сословием, был сам поголовно вооруженный «народ-воин», поскольку понятия «армия» и «народ» были идентичными (и во многом совпадали). Первоначально, в период становления государственности хунну, этот многоплеменной народ состоял из различных этнических компонентов, которой можно сгруппировать следующим образом: прамонгольский, скифо-сибирский (а также

родственные скифам по языку согдийцы), палеоазиатский и тунгусо-маньчжурский.

Однако, согласно теории Л.Н. Гумилева, пассионарный взрыв, приведший к образованию Империи Хунну, ускорил процессы этногенеза и этнической консолидации [10], которые получили мощный импульс со стороны самой государственности, в которой действовали синергетические принципы социальной организации и самоорганизации, с одной стороны ускорявшие процессы интеграции в централизованную имперскую структуру, а с другой – диалектически укреплявшие механизмы самоорганизации на «низшем» и «среднем» уровнях социальной пирамиды, т.е. на уровне родоплеменной (или общинной) этносоциальной организации.

Все этносоциальные процессы, как центростремительные, так и центробежные неизбежно ускорялись и в экстремальных условиях войны, а также массовых перекочевок, вызванных изменением экологических или геополитических условий. Тем не менее, даже при утрате независимой государственности и смене властной элиты (или полном переворачивании властной пирамиды) происходила лишь перегруппировка правящих кланов, родов и племен, но основной этнический костяк сложившегося ранее суперэтноса оставался практически неизменным в центральных частях империи, что и наблюдалось на территории Монголии в период падения Империи Хунну и перехода власти к сяньбийцам, которые, к тому же, имели с восточными и северо-западными хунну тесные этнокультурные связи.

Что касается самых западных хунну, не желавших подчиняться ни китайцам, ни сяньбийцам, ни их союзникам, то они, как известно, с боями ушли в Европу, где стали известны под именем «гунны», и у них действительно в большей степени усилились финно-угорские и прототюркские этнические компоненты, присутствовавшие в западной части хуннусского суперэтноса изначально.

В связи с этим интересно отметить, что при всех драматических и даже трагических для отдельных частей суперэтноса обстоятельствах, потомки

древних хунну всемерно старались, во-первых, сохранить (или воспроизвести заново на основе элементов сохранившихся традиций) особенности этносоциальной организации, созданной в начальный период эпохи хунну, в том числе имперскую государственность, во-вторых, сохранить ценностное ядро этнической культуры, в-третьих, воспроизвести или возродить с некоторыми модификациями главный сакральный стержень религиозной культуры – культ Неба-Отца, тесно связанный с почитанием Матери-Земли, а также и с представлениями о сакральной природе своего верховного правителя.

Весь этот религиозно-политический комплекс служил, как мы уже отмечали, своеобразным «мега-аттрактором», который и направлял совокупную энергию этносоциального организма к новым уровням социальной самоорганизации и воспроизводства системной целостности в меняющихся условиях. Заметим, что независимо от специфики конкретно-исторического процесса формирования древней государственности хунну, а также от роли известных личностей в политическом объединении полиэтнического, мультикультурного гетерогенного пространства в устойчивую системную целостность, существовали общие контекстуальные, духовные детерминанты в этом геополитическом политогенезе. О них мы уже неоднократно писали, когда речь шла о социальных функциях тэнгрианства (Абаев, 2006; Абаев, Фельдман, 2007; Фельдман, 2009).

Тэнгрианство как системообразующий элемент не только религиозной, но и политической формы общественного сознания (их мы определили в качестве духовно-культурных социальных механизмов самоорганизации) стало тем фактором интеграции этносов в геополитическое государственное образование имперского типа, который реально обеспечил духовное единение, а, следовательно, и образование такого могущественного государства, как Империя Хунну.

Таким образом, в традиционных обществах тюрко-монгольских народов центральной части Евразии в добуддийский период вся совокупность ценностей, ценностных ориентаций, направленностей социальной активности, стереотипов и векторов поведения, так или иначе, связывалась с волей и контролирующими функциями Вечного Синего Неба, культ которого приобрел характер развитой религиозной системы уже в период становления Империи Хунну и был тесно связан с идеей сакрализации верховной власти в лице Сына Неба.

Тэнгрианство, на наш взгляд, еще на стадии возникновения и развития цивилизации вообще (в центре Евразии получившей характерные черты номадической цивилизации) стало ядром духовно-культурной традиции, обеспечивающей эффективное функционирование такого рода социального аттрактора, отнюдь не исключавшего бытие данной системно-динамической целостности, т.е. ее развитие, приобретение наборов качественных определенностей, обеспечивающих их реализацию как выражение вполне естественной потребности социальной системы в ее внутрисистемной самоорганизованности, но и в ее стремлении организовать внешнюю хаотичность в историческую перспективную целостность и создавать такие механизмы социальной организации и самоорганизации, которые обеспечивали относительную устойчивость имперских форм кочевничества, созданных древними гуннами-хунну.

Литература:

- 1.Абаев Н.В., Аюпов Н.Г. Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Часть 1. Абакан: Отпечатано в типографии ООО «Фирма «Март», 2009.- С.61.
2. Фельдман В.Р. Традиционное общество народов Центральной Азии: пространственно-временные характеристики, механизмы организации и самоорганизации. Кызыл: Изд-во Тыв ГУ, 2009. – С. 25 – 59.
- 3.Черникова И.В. Философия и история науки. Учебное пособие. Томск: Изд-во ТГУ, 2002, Раздел 3. – С. 1 – 2.

4. Mumford, Lewis 1964. Technics and Civilization. New York: Harcourt, Brace & World.
5. Б. Мунхзул. «Гунны – это Монголы...» //«Монголия Сегодня», № 30 (493), 31 июля 2011 г. //www.mongoliasegodnya.mn, с. 1; Абаев Н.В. О первой научной конференции «Культурное наследие Хунну» и 10-м Конгрессе монголоведов. <http://www.tuvsu.ru>; см. также: Донгак А., Абаев Н. Десятый Международный Конгресс Монголоведов (9-13 августа 2011 г., Улан-Батор). //expertclub, 09/11/2011, основной сайт: <http://expertclub.info/content/desyatyу-mezhdunarodnyу-kongress-mongolovedov-9-13-avgusta-2011-g-ulan-bator>.
6. Г. Тумээ. «Хунну - это Монголы, а Монголы – это Хунну» // «Монголия Сегодня», 7 авг. 2011 г, с. 4; Д. Солонго. X Международный Конгресс Монголоведов. «Внешние отношения Монголии и исторический опыт», там же. Н.В. Абаев. Монголы - это гунны?! <http://www.khamagmongol.com/chuulgan/viewtopic>; А. Донгак. Государству монголов – 2220 лет. // Тувинская правда, 1 сент. 2011 г. № 92, с.8.
7. См.: «Монголия Сегодня», № 30 (493), 31 июля 2011 г. //www.mongoliasegodnya.mn.
8. «Монголия Сегодня», № 30 (493), 31 июля 2011 г. //www.mongoliasegodnya.mn.
9. Б. Энхтувшин. Центр Империи Хуннов находится на территории нынешней Монголии и нынешние монголы являются потомками Хуннов. // «Монголия Сегодня», 7 авг. 2011 г, с. 3.
10. Л.Н. Гумилев. «Хунны в Азии и Европе» // «Монголия Сегодня», 7 августа 2011 г., с.19.